

Часть 1. Растерянность

*Та осінь змила світ, яким він був,
І телефон замовк і все забув,
І десь далеко серце різав гнів,
Й душа вже не тягнулась до птахів.*

*І відчай бив так сильно, як електричний струм.
Шукала ти відроди, знаходила лиш сум.
Не плачуть чорні гори — то вода з небес.
І хто помер, той більше не воскрес.*

(М. Зайцев 2016)

1. Пролог (Май 2016)

Тихая ночь пела шумом прибоя, утонувшее в море солнце подсвечивало горизонт, рисуя тонкую красную полоску, как границу между небом и водой. Ветер, блуждая меж мачт, путаясь в такелаже яхт у причала, вторил дыханию моря, в такт отсвистывая какую-то, никому не ведомую мелодию. В пепельнице на столе тлела сигарета, сизый дым лениво, тонкой струйкой подымался вверх и растворялся в ночной свежести, исчезая без следа. Рядом с кладбищем недокуренных сигарет стоял широкий граненый стакан, на дне которого лежал, постепенно исчезая, кусочек льда. Бутылка была полупуста. Тонкие пальцы без устали бегали по клавиатуре, шелест клавиш, а точнее ногтей о клавиши, был единственным неестественным звуком здесь.

Рядом с ноутбуком на столе стояла фотография. На ней был изображен молодой человек с усталым взглядом, в каске и с оружием.

Рядом, на столе и полу в беспорядке лежали листы бумаги, исписанные мелким почерком. Некоторые были измяты или порваны и склеены скотчем. Время от времени Элла оставляла клавиатуру в покое, находила какой-то особый, нужный именно в этот момент лист, и, держа его трясущимися руками, медленно выжигала взглядом написанное. Прочтя необходимый фрагмент, она откладывала бумагу в сторону, иногда подкуривала сигарету или подливала в стакан из бутылки, смотрела то в окно на море, то на фотографию на столе. Сделав пару затяжек, отправляла сигарету в пепельницу, к таким же, свежечатым сородичам, и вновь налегала на клавиши.

Летом 2014-го украинские вооруженные силы и подразделения МВД вступили в новый, доселе не знакомый им вид войны — гибридное противостояние с применением тяжелых вооружений на густозаселенной территории. При отсутствии сил и средств к созданию единого фронта, борьба велась за контроль над ключевыми высотами, стратегическими объектами и вдоль дорог. Прилагая все усилия для того, чтобы не ввязываться в кровопролитные, неизменно сопровождаемые большими потерями среди мирного населения, городские бои, войска стремились держаться подальше от населенных пунктов, стараясь их блокировать, «выкуривая» силы сепаратистов.

При всей слабости и неорганизованности, украинская армия смогла переклонить чашу весов в свою сторону, почти восстановить контроль над государственной границей, занять аэропорты Краматорска, Мариуполя, Луганска и Донецка, отстоять оружейные склады под Артемовском (Бахмут). Украинский блицкриг почти удался и, казалось, победа не за горами. Вторжение нескольких батальонных тактических групп войск РФ переломило ход ситуации, когда измотанная летней кампанией армия была уже не в состоянии что-то противопоставить.

Дезертирство одних подразделений, излишняя самостоятельность других и неэффективность третьих, привела к тому, что жидкая цепь из блокпостов и опорных пунктов, которую можно пафосно назвать «фронтом», рухнула. Произошла Иловайская трагедия.

Конец лета был шоком для украинского народа, но благодаря стойкости многих хороших людей «фронт» не упал окончательно, откатившись назад. Вероятно, противник также понес серьезные потери, так как, убрав угрозу окружения Донецка и Луганска, дальше продвинуться был не в состоянии.

Украинцы думали, что многое могут. Напрягаясь из последних сил, они дожжимали, как им казалось, врага, ждали сообщения о взятии Донецка и верили, что этим все закончится. Это было удивительно и дико, когда люди жертвовали последнее на нужды других, незнакомых им людей, как спешно все те, кому «не плевать» осваивали новую, «военную» терминологию, часто быстрее всех тех, кто должен был ею владеть априори. Это было удивительно и дико, когда чужие люди загружают машину какими-то коробками, и кто-то везет их в ночь, навстречу рассвету, чтобы, пройдя блокпосты и кордоны, разгрузиться в зоне, где, вероятно, стреляют. Это было удивительное и дикое состояние «жизни одним днем» и жажды приключений, это ощущение сплоченности и единства.

Вопросов нет, и в украинской армии были профессионалы, и даже фанатики своего дела. В добровольческие формирования стекались далеко не случайные люди, да и у противника, как оказалось — не боги горшки обжигают. Получилось, что черт не так уж и страшен. Весна и лето 2014-го научили украинцев не бояться.

2. Потерянная ЗУшка (28 августа 2014)

Две горы щебня на восточной окраине Дебальцево размером с 5-этажный дом, доминирующие над всей окружающей застройкой, были видны издалека. Здесь на выезде из города у трассы располагался блокпост Д-1, получивший благодаря двум одинаковым белым горам, неофициальное название «блокпост Сиськи». Пара строительных вагончиков да нехитрые укрепления, накрытые от дождя пленкой и рекламными баннерами — вот весь антураж.

Мариупольский футбольный хулиган, а ныне пулеметчик Валера «Балу» проснулся как всегда около полудня. Выйдя из блиндажа, он закурил, осматриваясь. Новый день был таким же, как и предыдущий, таким, как и 10 дней назад. Чертовски хотелось есть. Ответственный за готовку, пошатываясь после вчерашнего, вяло колдовал у котла. Дым лениво поднимался вверх, плавно растворяясь в остывшем за ночь воздухе.

По мосту со стороны города подходила колонна: дымящие сизым выхлопом грузовики, сидящие верхом солдаты, пушка на прицепе. «Балу» и не глянул бы на этих улыбающихся пижонов, если бы не одно «но». Весело маша руками гвардейцам с блокпоста, колонна проехала клапан, пронеслась мимо «второй площадки Дебальцево», свернула на проселок и ушла куда-то на северо-восток. На крики и предупреждения о том, что впереди никого нет и, дескать, вы ребята едете «не туда», никто не отреагировал. Пропустив поворот на Чернухино, колонна укатила в серую зону.

«Ну, каждый сам себе — злой Буратино», — подумал «Балу», закурил еще сигарету и сконцентрировался на наблюдении за булькающим «чем-то вкусным» в котле. Есть хотелось катастрофически. Не заметив, как прошло около 20 минут, он там же у костра стал свидетелем возвращения уехавшей колонны. Но в этот раз лица людей не были столь лучезарными.

Как говорил потом, не стесняясь крепких выражений, «Балу»: «Приехали они все какие-то покоцанные и кривые». Колонна была обстреляна и вернулась с ранеными. Боец по имени Сережа, раненный в руку, подошел к местному доктору. Тот, силясь преодолеть тремор, опять же после вчерашнего, оказывал помощь. Блокпост на новость о потерях отреагировал в целом сдержанно. Мариупольского хулигана, все еще не поевшего, каким-то ветром принесло к раненому Сереже. Тот начал было рассказывать, что произошло, как вдруг у него зазвонил мобильный.

Из трубки слышались звуки боя и взволнованный голос. Побелевший то ли от внезапной боли, то ли от услышанного, Сережа информировал о том, что где-то там остались семь человек и ЗУ-23-2 с полным боекомплектом. Телефон, криком и матом, просил поддержки огнем и подмоги.

Тут уж настал черед белеть самому «Балу». Блокпост находился в небольшой низине, и если противник прямо сейчас захватит зенитку, ее одной будет достаточно, чтобы уработать все живое на позиции. До ближайшей «зеленки» 1200 метров ровного поля. Поставив пушку там, враг преспокойно запрет всех на блоке, а смельчаков, пытающихся выйти, безнаказанно расстреляет, будучи даже незамеченным. 1200 метров — это рабочая дистанция для скорострельной пушки, а ее осколочно-фугасные снаряды — идеальное средство для выкашивания пехоты. Сонливость как рукой сняло и стало уже не до обеда — надо выезжать и разбираться.

Плюясь в воздух сине-черным дымом и несгоревшим топливом, на трассе стояли два БТРа. С криком и витиеватым матом пехота грузилась на «черепахи». Пока ждали комбата, капитан зачем-то сбежал в штаб, просить какой-то приказ. Количество начальников, желавших отправиться в «боевой поход», росло в геометрической прогрессии, лишь добавляя нервозности и неразберихи. По итогу на 40 человек пехоты, получилось целых два полковника.

«Балу» был футбольным хулиганом, который привык убеждать соперника в своей правоте честным ударом бутылкой по голове. Однако представление о том, как вести бой, у него было. Воображение нарисовало, как, увидев вспышки издали, пехота слезет с бронемашин и развернется в боевой порядок. БТРы начнут поливать противника или хотя бы кусты, где он может быть, градом тяжелых пуль КПВТ. Под прикрытием огня техники, пехота сблизится с ЗУшкой, прикроет отход ее obsługi, вероятно выстрелом из РПГ уничтожит пушку и — дело в шляпе. То, что такое, в целом логичное поведение, не входит в планы командования, стало понятно метров через 500 движения.

Кому-то пришло в голову дать команду вести «тревожный огонь» по зеленке, как бы пугая вероятно засевшего там противника. Вопросов нет, БТР, облепленный пехотинцами, стреляющими куда попало, выглядит красиво и грозно. Но боекомплект не вечен и достаточно быстро «Балу» израсходовал одну, а затем и вторую ленту. И все бы ничего, но в какой-то момент дивную процессию таки обстреляли. Появился раненый. БТРы остановились, пехота, как могла, разобралась по секторам, пытаюсь понять, откуда велся огонь, обстреливая кусты в профилактических целях.

Боец с позывным «Ирак» получил ранение то ли в спину, то ли в задницу. Кровавая «розочка» из мяса и его бледное лицо не вдохновили «Балу», но заинтересовали доктора. Тот спрыгивает с «черепахи», и, заявив, что он с «трехсотыми» идет во второй БТР, хватает раненого и пытается засунуть его внутрь машины.

Еще со времен афганской войны на БТР60-70-80 пехота стремилась ездить верхом, так как при наезде на мину или попадании из гранатомета были шансы, что тебя просто сбросит ударной волной, а не размажет о стенки внутри бронированной машины. Учитывая тот факт, что борта не всегда «держали» даже пулю калибра 7,62 мм, люди предпочитали обзор и свободу маневра. Желающих кататься внутри — было мало. Упираясь всеми конечностями, раненый «Ирак», не стесняясь слов и выражений, объяснял доктору, что внутрь лезть не желает. Доктор же, не отставая в выражениях, помогая себе руками и ногами, силой таки запихнул бойца внутрь. И тут начался главный цирк.

Мотор взревел, восемь зубастых колес, синхронно раскручиваясь и танцуя на ямах, изредка подбрасывая в воздух комья сухой грязи, запели свою песню. Ощетинившийся стволами первый БТР ушел, набирая скорость, вперед. Во второй же машине, как оказалось, находился какой-то полковник из штаба АТО. Он похлопал механика-водителя по плечу и приказал разворачиваться. Тот, удивленно тыча пальцем в удаляющуюся «черепаху», переспросил: «Так, а там же наш БТР с людьми, как же они?» Ответ был однозначен: «Плевать, разворачивайся и на блокпост...»

Вторая машина развернулась и пошла восвояси. А «Балу» сотоварищи продолжили движение по трассе в сторону Луганска. Солнце обжигало каски и нагревало броню, горизонт гремел, где-то вдалеке стояли, ставшие уже привычными, столбы черного дыма пожарищ. БТР, все так же ведя «тревожный огонь», шинкуя свинцом окружающую зелень, удалялся от своих. Из-за тотального бардака, в том числе и со связью, команда на

возвращение подана не была.

Они ехали, ехали, ехали, и конца-края этой езде не было видно. Тревожный огонь по «зеленке» подъедал боеприпасы и возник резонный вопрос: «А куда же, мы это так, собственно говоря, едем?» Тот, кто сидел ближе к люку мехвода, прикладом автомата туда от души постучал, люк отворили и состоялся диалог:

— Куда едем-то?

— Так ЗУшку ищем!

— Нету, больше ЗУшки, вафли ей!

— Так может, дальше проедем, найдем?

— Мы сейчас на сепарский блокпост с танком выедем, и с одного попадания найдем все! Давай заворачивай!

Восток Украины густонаселен и расстояния между городками невелики. Армии сложно было оперировать в столь тесном пространстве, где ошибка в 500 метров, поворот не там, или банальное: «А давай прокатимся, посмотрим...» иногда стоили жизни многим хорошим людям.

Люк с глухим ударом захлопнулся. БТР, дергаясь, начал тормозиться и неуклюже разворачиваться посреди трассы. На тот момент еще никто не знал, что ЗУ23-2 была уничтожена противником сразу же, три человека погибли, остальные попали в плен. Звонок с просьбой о помощи был лишь приманкой. Боевики заставили кого-то из расчета установки позвонить своим и организовали засаду.

Облепленный людьми БТР возвращался на базу, седоки все так же обстреливали все подозрительные кусты, стараясь экономить боеприпасы. Тот факт, что вернувшуюся машину обстреляли и она привезла еще раненых, никому не сообщили. «Балу» отстрелял вторую патронную коробку и перезарядился. Простейшая, казалось бы, операция: открой крышку, наложи ленту, закрой крышку, дерни за ручку — верхом на трясущейся «черепашке» была сродни цирковому номеру. Вдалеке показалась заправка...

В Валерином секторе было тихо и чисто: ни вспышек, ни свиста пуль. Кто-то сказал, что со стороны АЗС ведется огонь. «Балу» и дал пару очередей в ту сторону, а затем пулемет заклинило. На ходу, судорожно передергивая затворную раму, он пытался оживить оружие, понимая, что без пулемета будет туго. Весь мир сузился до размеров приоткрытого окошка выброса гильз, в котором виднелся разорванный патрон. «Этот закон подлости — он работает всегда», — подумал Валера, выковыривая, как он тогда думал, бракованный боеприпас. Еще трижды приходилось дергать раму, прежде чем «Каннибал» (такое было у пулемета имя) опять заработал, как полагается.

Пулеметчик успел сделать две короткие очереди, прежде чем что-то (так и непонятно, что) прилетело в сидевшего на броне спереди «дядю Колю» — Николая Матвиенко. Ему оторвало правую руку и отбросило на броню. Видимо испытывая шок, он, фонтанируя культей и глотая ртом воздух, вскочил обратно. «Тихий», который сидел рядом, закричал: «Ебашим по заправке!» Как вдруг, словно кто-то ударил исполинской кувалдой Валере в бок. На миг сдавило дыхание и потемнело в глазах. Бывавший в уличных потасовках крепкий парень умел держать удар и машинально провел ладонью по месту, куда попало. На руке была кровь.

3. Ключки истории (Май 2016)

А вы знаете вкус крови? Нет, бифштекс тут ни при чем. Мимо кассы и литература с ее пафосным высоким слогом, метафорами и эпитетами. Вкус крови — это не о желании добивать, убивать, мстить. Это не синоним какому-либо слову или понятию. Это по-настоящему, буквально. Вкус крови, теплой и соленой, своей. Не капли на губах, когда кусаешь их от досады, когда болью телесной пытаешься заглушить боль душевную, не порез на пальце от травинки или канцелярского ножа, нет, это все мелочи.

Кровь способствует газообмену. Насыщаясь кислородом в легких, она алая, под давлением, словно качественный бензин разгоняется по органам, питая их, заставляя работать. Забирая углекислый газ, темная кровь по венам отдает «старый воздух» обратно в легкие. Выдох — и все начинается заново. Пока идет этот процесс, человек функционирует. Кровь — это жизнь. Когда откуда ни возмись, то ли из горла, то ли из легких, то ли из разбитого в хлам почти отсутствующего носа тебя заливают твоя собственная кровь, тут не до лирики. Ты словно тонешь, как бы дико это не звучало, захлебываешься собственной жизнью...

После третьего стакана Элли в последнее время часто тянуло на философию. В голове возникали дикие образы и невероятные слова, которые складывались в главы ее то ли романа, то ли записок сумасшедшего. А поутру она часто удаляла целые страницы без зазрения совести. Утром, когда горячее солнце жгло подоконник ее новой, большой и светлой, но так и не обжитой толком квартиры, все было иначе. Утром она была уверенной в себе успешной женщиной, взлетевшей по карьерной лестнице, как минометная мина — высоко и молниеносно. Утром она пила крепкий кофе, «рисовала лицо» и не спеша, наслаждаясь пейзажем, ехала в редакцию.

Она не пользовалась кондиционером, ей нравилось открывать окна и дышать соленым запахом моря. Бескрайний бирюзовый горизонт успокаивал нервы, а свист ветра глушил шум в голове. Медленно, совсем не торопясь на почти ненужную, так, лишь бы не сойти с ума от одиночества работу, — она вела свою черную Ауди как можно правее, ближе к морю. Почти каждое утро она планировала, что по пути назад обязательно остановится и спустится к воде прогуляться. Но вечер красил море в желтый цвет, и Элле вспоминались подсолнухи. От горизонта до горизонта, море подсолнухов, неубранных и сторевших летом 2014-го. И вжав педаль до пола, она неслась домой, к своим затертым бумажкам, ноутбуку и вину.

Иногда она в приступах бессильной ярости рвала все свои записи, а однажды даже «застрелила» ноутбук из пистолета. Но усталый человек на фото смотрел ей в душу и говорил с ней тихо, почти шепотом, словно боясь спугнуть. Он подбадривал ее, иногда даже командовал. И склеенные скотчем, мятые или обожженные, разного формата бумажки, вновь ложились на стол. «Убитым» компьютером занимался ремонтник, которому пришлось изрядно переплатить, чтобы молчал о характере повреждений. Стрелять куда попало в Израиле нельзя, здесь вам не Ливан и не АТО.

Контузия не прошла бесследно, напоминая периодическими головными болями. Под рукой всегда были дежурные таблетки. Доктора что-то там говорили на этот счет, дескать, все можно поправить, но ей было плевать. Шрам на ноге и эта боль помогали ей помнить...

Она хотела бы забыть события, лета-осени 2014-го в тогда чужой, а теперь такой знакомой стране. Мечтала забыть историю, хронологию, даты, цифры и названия городов.

Хотелось оставить эту память кипе бумаг на столе. Похоронить в ней свист пуль и грохот взрывов, звон подвески автомобиля, лязг гусениц и тишину одиночества. Единственное, чего Элла не хотела забывать никогда — ощущения.

Страх и радость, тревога и восхищение, любопытство и боль утраты не спрятать меж страниц книги, не упаковать в коробку, не записать на жесткий диск компьютера. Время, как небритый дворник, выметает многие детали и нюансы из памяти. По истечению лет мы помним лишь контуры событий.

Она аккуратно взяла в руки обожженный с краю, с бурой кляксой посередине тетрадный листок. Бумага все еще пахла дымом и сыростью, будто и не прошло почти два года. Почерк был неразборчивым, приходилось напрягаться, чтобы прочитать текст. Элла усмехнулась, зажав сигарету зубами и морщась от попадающего в глаза дыма. Она вспомнила, как писала эту записку, лежа в какой-то мокрой яме, боясь поднять голову и считая секунды между разрывами снарядов.

Теперь это смешно, смешно осознавать, что тогда повезло, что в своей безрассудной погоне за информацией, за материалом, она чуть не сложила голову где-то возле очередного «стратегически важного» населенного пункта. Смешно, да только как-то грустно. В памяти всплыли события до и, самое важное, после того обстрела. Вспомнилось, что бурая клякса на бумаге это кровь, а вот чья именно, Элла не помнила, точнее не знала. Когда вокруг земля дрожит и все вверх дном — не до знакомств.

Бережно, словно древний египетский манускрипт, положив листок слева от ноутбука, подперев ладонями подбородок, она медленно, слово за словом, морщась, вчитывалась в свои каракули, пытаясь разобрать, где написано на иврите, а где на русском. Перед глазами, будто спроецированные на окно, возникали образы и пейзажи. Воображение добавляло звуки и голоса. Все так же, подпирая голову одной рукой, она медленно отстукивала на клавиатуре очередной абзац.

Уже после падения Донецкого аэропорта в январе и выхода Вооруженных Сил Украины из Дебальцево в феврале 2015-го, линия фронта относительно стабилизировалась. Главред Миша таки нашел аргументы, чтобы «выдернуть» Эллу Шпильман с востока Украины. Он все сделал правильно, создав ей условия для реабилитации и отдыха, предложив редакторскую должность и оказав всяческое содействие.

Серия репортажей о войне в Украине имела колоссальный успех, во многом благодаря живой, часто драматической, можно сказать выстраданной подаче материала. Немаловажно, что, оправившись от ранения, полученного в конце августа 2014-го, Элла Шпильман тут же чуть ли не заставила главного редактора организовать ей новую командировку. Впрочем, уже тогда этот хитрый еврей понимал, что пред ним стоит совсем не та Эллочка из раздела светской хроники, которую он на спор отправил написать «статейку о Майдане».

Миша видел, как горят ее зеленые глаза. Но это был не живой, мечущийся из стороны в сторону, то затухающий, то разгорающийся вновь огонек, а мощная струя жесткого, прожигающего, словно от газовой горелки, пламени.

Впервые он провожал Эллу в аэропорту и так по-отечески долго держал ее за руку. Не найдя других слов, Миша отдал ей свой золотой Паркер: «Пиши, девочка моя, пиши всегда и везде, у тебя талант и ты справишься, и пусть на твоей стороне Бог или Дьявол, пиши на любом клочке бумаги, пиши историю!»

4. Мощный бой (28 августа 2014)

Крови было мало. «Хер с ним», — решил Валера, перекладывая пулемет и стараясь аккуратно спрыгнуть на ходу с трясущегося, уже замедляющегося БТРа. Машина еще не остановилась толком, как в переднюю ее часть что-то прилетело. «Тихого» сбросило с брони, как безвольную тряпичную куклу. Вероятно, уже мертвого дядю Колю разорвало взрывом. «Балу» оббежал развороченный БТР. Укрываясь от обстрела, он рухнул на асфальт, пытаясь определить, откуда стреляли, и как-то ответить. Адская боль напомнила о себе, отобрав все силы. Он осмотрелся по сторонам.

Слева недвижимо лежал «Прапор». Какой-то желтый, в правом плече нет куска мяса, левая рука от плеча до локтя вся черная от осколков. Валера еще подумал: «От вафли, „Прапора“ нет...». Прямо впереди лежит «Дога» — весь в крови, без дыхания. Мертвый. Справа — без левого локтя, с дыркой в ноге — Рустам. Люк БТРа открыт. Сережа, тот самый, который принял звонок с просьбой о помощи, сидел на месте командира машины и, вероятно, после первого попадания успел выскочить. Механика-водителя вторым попаданием разорвало пополам.

Кто-то заорал: «Затягиваем 200-х!» И «Балу» с Рустамом принялись подавать тело «Дога» в БТР. Кто-то изнутри пытается помочь, тянет бездыханное тело за ляжки. Но все контужены. Сил нет. Ничего не получается. Все как во сне, когда ты бежишь, а ноги ватные. Ты пытаешься протянуть руку, а она не слушается, звуки искажены и, кажется, время, как заезженная аудиокассета, то подтормаживает, то ускоряется. Уже после первого попадания Валера оглох на одно ухо. Все звуки казались ему какими-то приглушенными, словно пропущенными сквозь толщу воды. Быть может именно поэтому какого-то «киношного» свиста пуль и звона осколков он не слышал.

Двигатель БТРа все еще работает и по какой-то непонятной причине, может просто от того, что нога мертвого мехвода соскользнула с выжатой педали сцепления, машина дергается вперед. Железо не слышит криков: «Стой, стой, стой» и переезжает тело «Дога». Башня поворачивается в сторону заправки, КПВТ делает один выстрел. Снова прилетает снаряд. «Балу» только услышал грохот и успел заметить вспышку где-то рядом. Шею, лицо и глаза обдало жаром.

Пока рассеивалась пыль, усиленно моргая, Валера силился понять, целы ли, не вытекают ли глаза и водил рукой по звенящей болью шее. Узрев свою же кровь на ладони, «Балу» даже обрадовался: он видит, фонтана крови нет, повезло. Отступив к откосу дороги, он залег в ожидании флангового обхода. Так или иначе, но двигался раненый пулеметчик с трудом и на какие-то более осмысленные действия был неспособен.

Один боец на пару секунд высовывается из-за развороченного корпуса БТРа. Следует 2–3 секундная перестрелка. Спрятавшись обратно, объявляет: «Пацаны, меня подстрелили, но чеченский пулеметный расчет я ушатал!» Точно не известно, кто кого «ушатал», но затем следует приказ отходить от БТРа и в тот же момент «оживает» «Прапор». Он открывает глаза. Удивленный таким «номером» «Балу» жестами показывает: крутись! Перекатываясь по земле, еще недавно «мертвый» боец скатывается в придорожный овраг, следом туда переползает и Валера. В итоге в придорожном кювете собрались все, кто выжил. Подбитый бронетранспортер разгорался, черный дым уносило ветром, слышался треск детонирующих патронов.

Все произошло столь динамично и совсем не так, как представляли. Вместо «мощного боя» получился скоротечный разгром. Дно оврага было устелено деморализованными, истекающими кровью людьми. Рустам, опершись о дерево, просил найти его семью и рассказать, как дело было. Превозмогая боль в боку, «Балу» включил все свое красноречие, не подбирая слов, он взял с раненого обещание вместе накуриться, как только все закончится. Стрелецкий старший (в бою участвовали два брата) — весь в крови, с головы до ног, младшему оторвало сзади кусок шеи, но оба живы и относительно целы. Сам «Балу» был ранен в шею и бок, ранения сквозные и, к счастью, легкие.

По мобильному позвонили на блокпост капитану, объяснили ситуацию и запросили помощи. На «том конце провода» пообещали завести «четверку» (БТР-4Е) и через 5 минут прибыть. Эти 5 минут длились невероятно долго, нарисовался еще один боец. Он скользкими от крови руками не мог затянуть жгут. Ему помогли, вкололи обезболивающее, указали сектор наблюдения и даже дали патронов. Пять минут прошло, а никакой «четверки» с подмогой не было.

Минут через 10 еще раз набрали капитана. Ответ был в том же духе: «Пацаны, сейчас заводим „четверку“ 10 минут и будем». А тем временем, на горящем БТРе начало что-то взрываться. Оторванную руку дяди Коли забросило в овраг. Боец, который не мог затянуть жгут, стоя на коленях, отложив автомат в одну сторону, недозаряженный магазин в другую, истово крестился и читал «Отче наш». «Балу» смотрел на этот фарс и думал: «Нашел же время, когда уверовать...»

Время шло, помощи не было. Было принято решение выходить самостоятельно. Полями. Кое-как, спотыкаясь о висящую ленту, стараясь не повикальвать себе глаза кустарником, превозмогая боль, поднялся и Валера. Выходя на юг от засады, «арьергард» на какое-то время залег, ожидая преследования. Подоженное трассерами поле заволочло сизым дымом. Следом никто не бежал. Опираясь друг на друга, раненые, как могли, поплелись подальше от засады. Командир Ярослав, раненный в левый бок и весь перекошенный от боли, попросил «Балу» дострелить его, в крайнем случае. Эти «предсмертные» просьбы достали Валеру, ему самому было не весело, крепким матом он парировал: «А кто меня достреливать будет? Задолбали вообще!»

Выходили ребята медленно, оживший «Прапор» кое-как тянул на себе Рустама. Но в броне, да на солнце силы таяли очень быстро. Пустив еле идущего Ярослава, «Балу» по итогу взялся тянуть обоих. Стрелецкий-старший, как самый «живой», был «автономной разведывательной единицей» и бегал туда-сюда, высматривая врага и путь отступления. Несмотря на то, что вся эта еле бредущая компания представляла собой легкую мишень, противник не организовал преследования, ограничившись лишь несколькими безрезультатными очередями вдогон.

В итоге вся процессия вышла к дороге, ведущей от трассы на Луганск к Чернухино. Совершив небольшой привал, принялись обсуждать, куда идти дальше. Предложения были разные. Пройти полями вдоль трассы и выйти на нее уже позади засады, войти в Софиевку (окраина Чернухино) и добыть там транспорт. Всё усложнялось большим количеством фактически «неходячих» раненых. Любой мало-мальски организованный отряд сепаратистов в селе или в овражках, по которым, скрываясь от наблюдения, предстояло идти, легко бы довершил начатое «коллегами».

Как потом оказалось, засада возле заправки «Ариадна» была танковая. По едущим на выручку «четверкам» этот Т-64 тоже стрелял, но промахнулся. Учитывая, как долго